

ВИНО

Сергей
Кубрин

18+

ВАТЫХ

БЬЮТ

Чистосердечные
истории

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ

Чистосердечные истории

Сергей Кубрин
Виноватых быют

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Кубрин С.

Виноватых быют / С. Кубрин — «Издательство АСТ»,
2022 — (Чистосердечные истории)

ISBN 978-5-17-146324-3

«Не помню, не помню, мент» – такова автобиография старшего следователя Сергея Кубрина. Уроженец Кузнецка, он прошёл срочную в армии шифровальщиком, дослужился до капитана МВД, стал победителем премии «Лицей», уехал расследовать дела на федеральную территорию «Сириус» в Сочи – но спустя год вернулся на службу в Пензу, потому что «каждый должен возвращаться домой». В книгу «Виноватых быют» вошли цикл рассказов «Мирный житель» о ворах, притонах и оперативнике уголовного розыска Жаркове, подборка армейских историй «Домой ужасно хочется» и «Вещественные доказательства» – зарисовки в духе довлатовского «Соло на ундервуде» о буднях следователя-и-писателя. Содержит нецензурную брань.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-146324-3

© Кубрин С., 2022
© Издательство АСТ, 2022

Содержание

Мирный житель	6
Чапа	6
Глазик	11
Тихо, мирно, спокойно	17
Между жить и служить	22
Чужая женщина	29
Лежачего не быют	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Сергей Кубрин

Виноватых бьют (сборник)

© Кубрин С. Д.

© ООО «Издательство АСТ»

* * *

«Начал читать – сразу перехватило дыхание: такое точное, без пафоса и ложной жестикуляции, попадание.

Хорошо читать написанное человеком, который – жил, который – не выделяется, как сейчас многие. Ему – незачем; он просто умеет рассказывать. Верю каждому слову.

Отличный автор. Хотел написать – отличный мужик, но я с ним не знаком; просто так вот показалось. В жизни такие еще встречаются, в литературе – все реже. Но теперь есть».

Захар Прилепин

«Кубрин – случай уникальный.

В милиции работали десятки писателей – но все они, за редким исключением, потом стали авторами детективного жанра, «развлекателями».

Кубрин же делает «жанр» – он хочет большего, он рвется к Чехову или, может быть, Достоевскому, хочет превзойти материал и достичь высоты, откровенного и прямого разговора о человеческих страстях. Вот почему на него следует обратить внимание, вот за что его нужно ценить».

Андрей Рубанов

Мирный житель

Чапа

Жена сказала: «Напьёшься ещё раз – можешь не возвращаться». Пить он никогда не умел, но старательно учился. Ежедневные тренировки особого результата не приносили, зато уверенно вели к разводу.

– Я виноват, – говорил, – потому и пью. Прости меня, пожалуйста.

Сразу тогда признался: да, изменил. Так вышло. Она, кажется, поняла, и ничего такого не устроила. Любая женщина знает, что семья – хорошо, и надо стараться.

Он тоже вроде бы старался. Но вот опять – не смог, опять какие-то бани, какие-то девушки, опять напился, и чужой запах преследовал до самого дома.

Стоял на лестничной площадке. Помятый и кривой, с порванным воротником, ободраным подбородком. Кажется, в драке вытащили кошелёк и ключи.

Приблизился к двери. Прислушался. Тишина убедила.

С верхнего этажа, словно с небес на грешную землю, спустился сосед, вытащил из кармана чекушку.

– Бушь?

Кивнул и выпил. Быстро и горячо. Зачем-то смял стаканчик, на что сосед выдал невнятное возмущение. Виновато дунул, вернув пластику форму, и не заметил, как опрокинул ещё, и ещё...

– Не очкуй. Меня сто раз выгоняли. Скажи, что любишь. Жить не можешь. Хочешь, вместе зайдём?

Отказался, и сосед разочарованно ответил:

– Как хошь.

Наступил второй приход.

Пить пьяным – всё равно что изображать любовь, когда разлюбил. Зачем вообще женился. Кутил бы, как раньше, и не думал, что дома – ждут.

Умерла единственная лампочка в подъезде. Пошатнулся, нашёл стенку. Всё нормально – живой.

Он беспричинно пил всё лето. Начальник, смирившийся с его ежедневным похмельем, как-то понимающе объяснил, что причина есть всегда.

– Работа, жена, квартира. Ребёнок маленький. Чего тебе не хватает?

Пообещал, что обязательно завяжет.

Жена уже не верила обещаниям. Сначала обещал, что сделает её самой счастливой, потом говорил, что всё наладится, теперь – что выберутся, выберется, уберётся.

Поднёс кулак и почти решился постучать. Раз-два-три. Поймёт? Не поймёт! Не победить, не оправдаться.

Обидно заныла рука, в затылке сжалось. Всё прошло – и наступило снова. Круговорот дерьма в природе.

Нырнул в карман, обнаружил немного денег: хватило бы на цветы или конфеты. Но прощение не купишь, и он тихонечко постучался.

Щёлкнул замок. Понял, что можно зайти. Ни крика, ни сцен.

На кухне гудел холодильник, звенела вода. Жена мыла посуду, ссутулившись и согнувшись.

– Давай помогу?

Она выпрямилась, будто хотела сказать что-то; но ничего не сказала.

– Прости меня.

Он потянулся, но понял, что пахнет чужой женщиной, или даже двумя. И самому стало как-то мерзко – будто не он, а его любили прежде и бросили, как только.

– Там это, начальник проставлялся. Ну, понимаешь. Пришлось.

Он был совсем рядом, когда повернулась. На лице с рябой морщинистой кожей разглядел её вечную родинку. А глаза – не узнал. Ни кожу, ни тела, ни себя рядом с ней. Совсем другая и совсем нелюбимая. Обняла его, даже не обняла, а только коснулась плеч и холодно поцеловала в шею.

Хотелось выпить, вернуть молодость, а больше ничего не хотелось.

– На вот, возьмишь завтра на дежурство.

Она протянула курицу, упакованную в фольгу, и Жарков озадаченно кивнул. Нет, всё в порядке. Молодая, своя.

– Ты это, ты правда, пойми.

– Всё нормально, – сказала, и больше говорить не пришлось.

Жарков лёг отдельно. Такие правила: выпил – не смей лежать рядом. Изменил раз – может быть. Второй – катись на все четыре.

Утром собрался, достал форму, поцеловал спящую жену. Не спала, притворялась. Жарков знал, что притворяется, и тоже притворился, вслух произнёс: «Как же сильно я тебя люблю».

Закрыл за собой – и больше не возвращался прежним.

В отделе как всегда суетились. Утренний развод, первая планёрка, второе совещание, везде успеть, ничего не вспомнить, сделать вид, что. Он получил оружие, прошёл инструктаж, изучил ориентировки. Жарков любил дежурить хотя бы потому, что имел тогда законное право не появляться дома. Он даже просил ставить его почаще, иногда сутки через сутки, в те времена, когда спасти семью могло лишь его отсутствие.

Молчи, молчи, и вселенная обязательно ответит.

– Жора, – ворвался начальник, – вся надежда на тебя.

– Чего там?

Он только-только собрался подготовить розыскное дело для предстоящей прокурорской проверки, чай заварил и бутерброд зафигачил, и хотел ещё покурить спуститься, но – чтоб его! – никак нет, отставить, и так далее.

– Убой раскрыли! Чапу задержали, сработали хорошо. Но этот хрен не колется. Жора, давай!

Чапа никогда бы не раскололся за убийство. Мог сознаться в простом грабеже или, на худой конец, в квалифицированном разбое. Но вот умышленное причинение смерти и вся прочая особо тяжкая муть не канала.

– А я при чём?

Начальник махнул: давай заканчивай, нет времени. Так и быть, согласился при условии, что работать будет в кабинете. Неважно, что Чапаев задержан. Всё равно, что в камере. Пусть в наручниках, но если потребуется – снимем наручники.

Два крепких сержанта из конвойной роты затащили Чапу в кабинет. Тот сопротивлялся, шёл через не хочу, но, увидев Жаркова, улыбнулся и без разрешения сел напротив.

– Можете идти, – разрешил Гоша.

Сержанты возразили:

– Не положено.

– Можете идти, – спокойно повторил.

Помялись, переглянулись и вышли. Какое-то время не отходили, стояли и слушали через дверь, а потом забили и уткнулись в телефоны.

Чапа знал Жаркова: пересекались по долгу воровской и полицейской службы.

– А говорил, завяжешь.

– Говорил, – улыбнулся Чапа. – А ты что говорил?

– И я, – согласился Жарков, хотя не помнил, о чём таком рассказывал бедному Чапаеву. –

Виноват?

Чапа кивнул, но вслух сказал обратное.

– Нет, начальник. Вяжут наголо, шьют без ниток. Доказуха есть? Нет никакой доказухи.

Жарков разлёгся в кресле. Спина у него ныла, как девочка, но казалось, будто он специально откинулся – вроде: смотри, Чапа, кто ты, а кто я, и не надо тут придумывать.

– Между виной и доказухой, как правило, огромная пропасть.

– Ну да, ну да... – улыбнулся Чапа и попросил сигарету.

Руки в кольцах, пальцы в перстнях. Курил, мусолив фильтр, и пыхтел, как здоровяк, хотя сам досыхал, наверное, последние годы. Щуплый и тонкий – в таких жизнь на исходе, таким лишить других жизни – раз плюнуть.

– Ты понимаешь, там пальчики твои стрельнули.

– Мои пальчики?

Чапа выпятил ладони – на, смотри. Сквозь грубую рябь проглядывали сухие мозоли, жёлтые язвочки, игривая сыпь и россыпь царапин и трещин.

– Пальцы мои, Георгий Фёдорович, если забыл, следов не оставляют.

Жарков не забыл, но с заключением эксперта спорить не собирался. Папиллярные узоры могут восстанавливаться. Всё живое живёт, такой закон. Объяснять это Чапе – гиблое дело. Хоть колом коли, не расколется.

– Что делаешь в городе? Живёшь где?

– А что я делаю? Освободился, вернулся. У меня вообще-то семья, жёнка с ребёнком. Скоро папашей стану, – гыгкнул Чапа, – возвращаюсь к мирной жизни.

– Мирный житель, значит, – усмехнулся Жарков.

– А чего смешного? Это мой город, товарищ майор. А живу где придётся. Я – вор. Где хочу, там обитаю. Я – вор, – повторил Чапа, – а не убийца.

Улыбнулся – и тоже откинулся на спинку неудобного жёсткого стула, и уже занёс деловито ногу. Жарков потребовал сидеть ровно и не рыпаться. Чапа послушно ссутулился и больше не улыбался.

Гоша вслух рассказывал, как местные нашли тело девочки.

– Восемь лет, понимаешь, совсем ещё ребёнок. Платье там, косички, бантики цветные. Ладно бы кто: всякое бывает. Ну, шмара тебе какая-нибудь дорогу перешла. Не дала, например. Или сказала что-нибудь не то. Вы же люди особенные, ранимые. Чуть что, за нож. А тут – ребёнок, понимаешь? ...Ты совсем что ли грохнулся?!

Чапа смотрел в потолок, изображал, что не слушает. Скулы его дёргались, подбородок ходил туда-сюда. Глаза – стеклянные; закатил, и всё тут.

– ...Разодранная, поломанная. Помнишь, игрушки такие были советские? Нет руки, и ладно. Вытащил – вставил, живи дальше. И хрен бы с ним. Но девчонка же, ребёнок!..

Жарков остановился. Дыхание сбилось и преградило дорогу словам. Нечего говорить; ничего не скажешь.

Отдел их работал две ночи, прежде чем удалось найти хоть какие-то зацепки. Районный колдырь по кличке Жук за 0.7 знатной «Белуги» рассказал всё, что знал и не знал. По крайней мере, указал на Чапу: видел, говорит, что тёрся рядом. А про клочок волос, обнаруженный в подъезде, наврал, конечно. Ничего такого не нашли, но вручили сполна: консервы на закуску и две пачки сигарет.

Потом уже криминалисты обнаружили следы рук и проббили по базам. Взяли кровь на анализ, установили групповую принадлежность. И мотив нашёлся: отец девчонки сидел когда-

то с Чапой. Что-то не поделили, как-то взаимно оскорбились. Папаша освободился раньше, но Чапаев дал слово, что найдёт. Не нашёл – обидчика вальнули, но обида осталась. Выместил, отомстил, успокоился.

– Ты признался бы, Чапа. Легче будет.

– А мне и так хорошо, – повёл плечом, губу выпятил. – Колоть меня будешь? Или базар бабский разведёшь? Хватит, давай начинай. Надоело тебя слушать.

Мог бы и расколоть, само собой. И так, и эдак. Знал, умел, применял на практике. Любил даже работать не словом, а делом; кулаком за правду. Но сегодня что-то пошло не так. Жарков терпел до последнего – и до того, как сорваться окончательно, спросил:

– Чего ты хочешь?

Чапа чмокнул языком по губам до зубного свиста.

– Кофе хочу, – признался, – с сахаром. Чтоб четыре ложки, с бугорком.

Жарков исполнил волю задержанного. Любой каприз, только признайся. А выбор небольшой – признание или... или – Гоша задумался. Может, нет смысла возиться с этим барахлом? Подумаешь, Чапа. Что он, таких упырей не видел. Видел и не таких.

– Не до краёв, – попросил, глядя, как Жарков уверенно наклоняет чайник.

Чапаев бессовестно хлюпал, стучал, размешивая, ложкой, громко ставил кружку на стол – так, что донце держалось из последних сил, чтобы не треснуть. И Жарков тоже держался.

– Ты? – спросил опять Гоша, и Чапаев снова кивнул.

– Легче не станет, – сказал тот, – мне скрывать нечего. Воровать – могу, убивать – не знаю. Причинение смерти – или как там у вас написано в ваших кодексах. Написали так написали. При-чи-не, – по слогам произнёс Чапа, а Жарков закончил:

– Ни-е...

Точнее – иначе: «Не е...».

– Не еби мне мозг, Чапа.

– Хорошо, не буду, – ответил тот чуть слышно.

Кофе не кончался, хоть и пил Чапаев – как в последний раз: долго не отводил кружку, гонял кипятком по стенкам рта. Когда осталось сделать глотка два, Чапа признался:

– Летний разбой на заправке – моя делюга. Денег хватило на месяц. А вы не догадались.

Жарков ничего не ответил. Он выглянул в коридор и закрыл дверь на внутренний замок, повернув флажок ручки.

– Я в тюрьму – как домой хочу; но только по праву. За чужое не сидят, за чужое – платят.

– Знаешь, Чапа, а я ведь лучший оперативник в этом отделе. Может, во всём городе даже. Мне такие места блатные предлагали... Сиди себе в кабинете, кури не думай. А я вожусь тут. С такими, как ты.

Он достал из внутреннего кармана ключ, вставил в кольцо наручника, повернул по часовой и освободил виноватого Чапу. Тот забыл про кофе и слушал, что говорит Жарков.

– Как думаешь, почему? Дурак я, наверное.

Чапа знал, что не дурак, и бить оперативника отказался.

– Бей, – настаивал Жарков, – сначала под дых, потом в лицо, потом в грудак.

Чапа мог бы догадаться, что будет. Нападение на сотрудника, новая пришитая статья, прямая дорога в СИЗО и следующая за ней сделка со следствием: признаешь убий – замнём телесники. Но Жарков уже открыл окно, и думать стало необязательным. Будешь долго думать – опоздаешь. Сначала делай, потом размышляй.

– Бей, – повторил Жарков, – и вали.

Чапа занёс руку и врезал Гоше в челюсть. Жарков сморщился от боли, но устоял на ногах. Следом прилетел удар в живот, и ещё один, контрольный, в шею.

– Перебор, – задыхаясь, произнёс Жарков. Не глядя, он кивнул в открытое окошко.

Чапаев сказал «спасибо» и вышел во внутренний двор. Там до забора – четыре метра, и ни одной полицейской души.

Когда отбило сердце, Жарков заорал: «Стой!», схватил пистолет и сделал три уверенных выстрела. Первый в воздух, второй в спину ещё живому Чапе, третий – в голову. Уже мёртвому.

Глазик

Прежде чем выпал первый снег, ему пришлось ответить.

– Да, конечно, обязательно, – сказал Жарков и улыбнулся.

Он умел врать, но вот обманывать – не очень, особенно родную дочь, любимую свою девочку.

– Я просто подумала – хватит вам... Как маленькие.

Иногда он пугался таких строгих и рассудительных замечаний. Слышать от ребёнка правду не очень-то здорово. Ему – тридцать шесть, ей – просто шесть. А кажется – наоборот.

– Просто, понимаешь... – хотел объясниться, но слов не подобрал.

– Понимаю, – ответила Лиза и тоже не договорила.

Они молчали об одном.

С тех пор как Жарков ушёл из семьи, ничего не изменилось. Видел дочь только по воскресеньям. Пропадал на службе, и всё такое. С женой – ещё не бывшей – общался мало. Теперь, правда, только по телефону, и то в основном сообщениями, односложно и мимолётно: обрывками, смайлами, многоточиями.

«Привет... Сегодня заберу в два».

«До вечера, на ночь не дам».

На ночь и сам бы не взял: не осмелился бы. Потому и ушёл, точнее – выгнали, выгнала, попросила.

– Когда ты дома, я не боюсь, – призналась Лиза.

Жарков думал иначе – и крепко сжал её ладонь.

Они возвращались нехотя и неторопливо.

– В Макдональдс, да?

– Акей, – согласилась.

Кажется, с первого класса теперь учили английский. Наверняка не знал или забыл. Пропустил, короче.

Взяли по чизбургеру с картошкой и макфлурри с колой.

– Мама говорит, ты не изменишься.

Она никак не могла разобраться с упаковкой. Жарков одним движением потянул за крышку – и вокруг разлился живой запах искусственного мяса.

– Не всегда надо слушать маму. Но, – задумался, – слушать всё-таки надо.

– Я слушаю, слушаю. Просто у меня своё мнение на этот счёт.

– Интересно, – заметил Жарков, и пронзил пластиком ложки тугой слой мороженого.

– Я думаю, она простит. У нас в школе есть девочка, у неё родители тоже... ну, ты понял.

Так вот они вроде помирились.

В надежде прекратить разговор спросил, вкусный ли гамбургер.

– Чизбургер, – возразила дочка, задрав на букве «р» кончик языка куда-то к нёбу. Она молчала, пока «две мясных котлеты гриль» не растаяли во рту, и опять зарядила: – Ты, главное, звони почаще. На самом деле мама только и ждёт твоего звонка.

Совсем взрослая, думал Жарков. Даже не приходится изображать. Он признался:

– Это не очень легко. Ты же знаешь, да?

– Я знаю, – подтвердила Лиза, – но постарайся уж.

Наверное, стоило спросить, как там в школе, никто ли не обижает, и так далее. Не спросил. Только смотрел, как резвятся её кудряшки при каждом наклоне головы. Как на алой щеке чернеет – его – родинка.

– Так иногда бывает. Но тебя-то я люблю.

Лиза кивнула. Можешь не говорить.

Пошёл снег. Крупные хлопья кружились и врезались в оконное стекло.

– Ого! – обрадовалась. – Папа, ты видишь?

Застегнула куртку и побежала на улицу.

– Подожди, – крикнул Жарков, – шапку надень.

Они шли теперь по белой дороге. Прочные свежие следы тянулись за ними.

– Давай искать преступника, – веселилась дочка, – пойдём по следу! Папа, расскажи, как ты ловишь преступников.

Вспомнил, что завтра новая рабочая неделя. Лучше – так. Начальник предлагал сходить в отпуск, но Жарков отказался. Ему сейчас нежелательно было оставаться наедине с собой. Опять нахлынет, опять не уснёт, и придется пить таблетки.

– А почему ты сам без шапки?

Не нашёл оправданий. Замялся, застопорился.

– Дома забыл.

– Ничего ты не забыл, – упрекала дочка, – не забыл. Ты специально так ходишь. Я тоже буду как ты, да?

Он покачал головой.

– Можно я у тебя останусь?

– Мама не разрешит, – сказал Жарков.

– Мы попросим. Я попрошу, – обозначила, словно её маленькое детское слово весило куда больше его мужского, отцовского, определяющего.

– Не знаю, – пожал плечами, – не знаю, – повторил.

– Ты просто сам не хочешь, я поняла, – и впрямь поняла дочка.

Не пытался оправдаться. Так бывает: лучше признаться в содеянном, чем вконец запутаться и облажаться.

– Понимаешь... – начал опять.

Она всё понимала. Отвернулась, набросила капюшон: я тебя не слышу.

– Ладно, – сдалась, – не объясняй. Когда-нибудь всё изменится.

– Так будет не всегда, – подтвердил Жарков.

Тропинка, скованная старыми серыми хрущёвками, вела к дому. Молчали, и снег уже падал не так настойчиво. Он зависал в воздухе и не думал больше ласкать их живые лица.

Ну да, изменил. А кто из мужиков – не: ни разу, ни хоть чуть-чуть.

Долг перед женой погасил быстро. Нашёл возможность, силы и время. Старел скоро, горел медленно, так себе наслаждение. Радуйся мелочам, как говорится. Он и радовался, и старался. Но всё равно случилось: сходил раз, второй, и понеслось. Понравилось, задышал иначе, мужиком себя почувствовал.

Не молодая, не особо красивая. Обычная, просто другая.

Он обещал:

– Такого больше не повторится.

Звучало некрасиво и пошло, как будто получил двойку, разбил окно в туалете, нагрубил учителю.

– Такое уже повторялось, Жарков, – наступала жена.

Виновато ходил за ней, пытался сквозь нежность добиться очередного шанса.

– Я по-хорошему прошу.

Жарков ненавидел женские слёзы и всякий раз их сторонился: лишь бы не слышать, не видеть, не сознавать собственную вину.

– Лиза! Ну, ты-то хоть скажи! – просил он.

– Отстань от ребёнка! – кричала. – Отойди.

Лиза думала: поругаются и прекратят.

Поругались. Не прекратили.

Всё-таки признался, раскаялся. И теперь для полного счастья осталось получить лишь справедливое наказание.

Пришлось.

Он снял квартиру. Хозяйка – приятная, но надоедливая старушечка, – жила этажом выше, и поначалу приходила каждый вечер проверить: всё ли в порядке, не буянит ли новый постоялец. Сдался и показал удостоверение.

– Майор полиции, – прочитала бабуля, – старший оперуполномоченный...

– Уголовного розыска, – договорил Жарков и громко хлопнул корочкой перед её острым носом, – ходить ко мне не надо, – обозначил чётко, – иначе съеду.

Квартирка – так себе, желающих мало.

Согласилась и больше не приходила. Редкий раз только, когда что-нибудь случалось – такое, в чём разобраться мог только сотрудник полиции, точнее, один лишь Жарков, точнее, каждый мог разобраться, потому что ничего уж такого не происходило.

– Георгий, – постучалась, – здравствуйте, Георгий, – повторила, когда Жарков открыл дверь. Стоял он в одних трусах и майке. Уже возрастная, но всё-таки женщина стеснительно отвернулась. Говорить в таком положении было не очень-то удобно. Уставилась, опустила голову.

– Я хотела...

Жарков с места не двинулся. Подумаешь, в трусах... Не голый же.

– Я тут шла, – изливалась женщина, – и увидела пакет. Мы не взорвёмся?

– Не взорвёмся, – ответил Гоша.

– Не взорвёмся? – повторила хозяйка, будто хотела на самом деле, чтобы всё тут взлетело и закончилось нахрен.

Пришлось смотреть. Прыгнул в тапочки, прошлёпал, обнаружил набитую майку из «Магнита» или «Пятерочки».

– Обычный мусор, – определил Жарков, – соседи выставили.

– Мусор? – повторила бессовестно бабуля.

Звучит как оскорбление, – подумал, – и подтвердил:

– Мусор.

Приходила ещё, стучалась долго. Открывал нехотя, никого не ждал.

Любовницу к себе не звал. У неё самой как бы обязательства.

Одному – тяжело, но терпимо. С работы возвращался не спеша: некуда было возвращаться.

Тогда он зашёл в «Красное-Белое» за полторашечкой местного разливного. Успеть до одиннадцати – и налакаться, чтобы быстрее заснуть. Очереди нет, лишь два курсанта с тележкой, суточный увал.

– А это, наверное, офицер, – заметил пьяный бездельник, примостившийся у кассовой ленты.

– Ещё пачку Винстона, – попросил Жарков.

Вышел, снял плёнку.

– Дай сигареточку, – попросил мужик, – дашь?

Протянул, щёлкнул зажигалкой.

– Знаешь анекдот про двух проституток, которые стоят на минном поле и читают табличку с надписью: «Мин нет». Знаешь, а?

– Не знаю, – ответил Жарков и пошёл.

– Ну, я угадал? – крикнул забулдыга. – Офицер?

Жарков не ответил. Только подумал, что никогда не хотел быть никаким офицером. Кем угодно, только не. А потом что-то случилось. И непонятно, что и почему.

– Угадал, – кричал вслед мужик, – угадал!

Проводил до самого подъезда. Жарков недобро взглянул, мужик отступил, закрылась тяжёлая металлическая дверь.

У него опять кончились таблетки. Новая партия придёт только в понедельник. Раз в месяц Тайх доставал ему по два блистера с капсулами. По одной перед сном, или когда прижмёт. Прижимало – часто; терпел.

Пил из горла. Жадно опустошил бутылку на треть. Хлюпнул ещё, закрепил пройденное. Всё по распорядку, настоящий армейский режим. Сейчас примет душ и, может быть, отрубится.

Выпил снова. Ему теперь хватало совсем чуть-чуть, чтобы опьянеть. Когда пьяный – не так больно, точнее, больно, но не так.

– А как? – будто спрашивал кто-то. – Как больно?

Он сколько-то сидел на полу в коридоре, потом вышел на лоджию, умылся ветром. Ночь укрывалась, ни одной звезды – будет холодно. Кончилось пиво, кончилось лето, а он оставался – и не знал, куда себя деть.

– Офицер! – услышал с улицы. – Начальник! – донёсся знакомый голос.

Жарков рассмотрел алконавта из «КБ». Подумал, что сейчас, может, ничем не отличается от него. Осталось только забухать вместе. Если пьёшь с кем-то, вроде как не считается, что алкоголик.

– Старшо-о-ой! – вопил тот.

– Чего тебе? – крикнул с высоты.

– Офицер! Офице-е-ер! – завывал мужик нещадно.

Стянуло затылок и дёрнуло, словно током, в пояснице и груди. Он допил, но всё равно стоял с пустой бутылкой, вертикально прижатой к губам. Потом схватил кухонный нож и сжал лезвие в ладони. Совсем не больно, зато кровь объяснила: ты живой, Жарков, живее каждого и любого.

– Начальник! – ударяло в голове и откликалось мягким, но звонким знаком.

Ветер бил и продувал со всех сторон. Жарков спустился в лёгкой ветровке. Он плохо видел в темноте, но опознал уверенно.

– Ты! – обрадовался мужик. – Пришёл!

Нет, определил Жарков, так не бывает. Так не должно, по крайней мере, быть.

– Офицер? – бесновался алкаш. – Офицер! – убеждался и хохотал, захлёбывался, плевался.

– Чего тебе нужно?

Он только надеялся, что никто его не видит, стоящего посреди ночного двора и говорящего с кем-то, не пойми с кем. Подошёл ближе, так, чтобы вплотную видеть лицо. Некрасивое и большое, с густой сальной бородой... Оно почти ничем не отличалось от лица Жаркова, разве что глаза: Жарков их прятал, а те глаза смотрели долго и глубоко, до самого-самого нутра. До самого утра.

– Я угадал, да? Офицер?

– Не угадал, – ответил Жарков и, отведя руку, ударил мужика по лицу.

Тот упал, застонал, закривлялся.

– Ты чего? Ну чего же ты, начальник?

– Я тебе не начальник, – крикнул, – я тебе – никто.

И тогда ударил опять, уже ногой, по самым рёбрам, по груди и пояснице. Первый, второй, третий, долго-долго, много-много раз.

– Ай, ау, – мычал несчастный.

Жарков не прекращал. Бей и пей, ни о чём не думай. Когда брызнула очередная кровь, и прежде просто некрасивое мужицкое лицо стало некрасивым ужасно: расплюснутой жижей

со сломанным носом и перекошенным ртом, когда налилось оно и чёрным, и синим, и красным одновременно, – загорелся оконный квадратик на фасаде многоэтажки, проревел высокий женский голос, и снова зазвенело в голове.

– Прекрати, перестань!

Жарков перестал, а из подъезда выбежала хозяйка квартиры и бросилась к пьяному, избитому, родному.

– Сынок, господи. Сыночек мой миленький.

Она смотрела на Жаркова. Она хотела ударить в ответ, расцарапать, разорвать... Жарков сказал «извините» и пошёл домой.

Ворочался, не спал, простынь – и ту не стелил: ютился на диване, ждал утра. Ничего сейчас не чувствовал: ни боли, ни раскаяния. Но когда запахло рассветом, когда с улицы впорхнул острый ветер, – всё-таки вышел и поднялся на этаж выше.

– Мне нужно поговорить с ним, – сказал Жарков.

– Мне нужно, мне нужно... А мне нужно, чтобы ты ушёл, – возразила хозяйка. Она никогда прежде не тыкала ему, но теперь могла, имела право и даже была обязана общаться именно так.

– Пусти, – донёсся голос, – пусти, раз хочет.

Женщина разрешила. Гоша снял ботинки – и носок улыбнулся дыркой; всё равно прошёл. Мужик сидел на кухне и разливал водку.

– Проходи-проходи, – сказал, – а ты, мам, иди. Спать иди, – попросил, – нормально же всё.

Ушла, но спать не легла, конечно. Стояла у двери и слушала.

Ни о чём таком не говорили. Жарков пить отказался. Избитый собеседник не возражал, но сам выпил; одну, а потом вторую. Между первой и второй опять усмехнулся и выдал: «Офицер».

Жарков напрягся, но мужик протянул руку. Примирились и забыли.

– Глазик, – представился тот, – откинулся вот с «семёрки».

– Чего тебе нужно? – спросил Гоша. Глазика он раньше не встречал, хотя вроде бы знал всю районную шантрапу.

– Кажется, ты сюда пришёл. Вот и объясняйся.

Всё-таки согласился на полстопочки. Выдохнул, пропустил, зажмурился. Горячо и хорошо, правильно.

– Живой? – спросил Гоша, обнаружив зрелую спелость ссадин и синяков. В свете люстры они сияли, переливались и вздрагивали.

– Живой, – подтвердил Глазик. Издевательски подмигнул, противно улыбнулся, выпятив нижнюю губу так, что зубы полоснули нездоровым: жёлтым и гнилым.

– Ты это, – сказал Жарков, – извини. Я не хотел, на самом деле.

– Как уж получилось, – хохотнул мужик и хватился за бок.

– Ты, главное, заяву не пиши.

– Заяву? Ну, ты даёшь, начальник. Ты думаешь, я в мусарню пойду? Я тебе чего, терпила что ли? Ты в ком терпилу-то рассмотрел?

Теперь Глазик подорвался, нахохлился и был готов кинуться в драку, лишь бы сохранить свой прежний мужицкий статус.

– Я терпилой никогда не был и не собираюсь, – заявил тот.

– Да, – согласился Жарков, – правильно.

– Я тебе вот что скажу. Ты лучше уходи, не надо тут ничего.

Жарков кивнул; он привык чувствовать себя лишним и не пытался что-то изменить.

Уже стоял прочный уличный свет, настоящее утро пришло в себя.

– Это, – опередил мужик, – подожди. Одолжи денег, рублей двадцать. Одолжишь?

Жарков сказал, что не взял кошелёк, но пообещал вернуться прямо сейчас.

– Ладно тогда, – махнул Глазик, – не надо. У матери спрошу.

Моргнула скромно лампочка, хлопнула и умерла. Опять стало темно, и даже рассветная волна потеряла силу. Глазик медленно проковылял в коридор и скрылся.

Жаркову сейчас как никогда хотелось увидеть жену и дочку. Ему всегда хотелось, но сейчас вот прямо очень-очень. В конце концов, разве он плохой отец, разве муж плохой? Ведь всё было. А если чего-то не было – так будет, обязательно будет. Человек так устроен, что всю жизнь ошибается. Само появление человека – уже ошибка. На теперь, получай, исполняй, заслуживай.

Хотел убедиться, что всё происходит на самом деле, что он – это действительно он: оперативник Жарков, грёбанный майор полиции, нелюбимый муж. Не взяла, конечно, кто бы сомневался. Набрал дочери; ответила шёпотом, спала.

– Да, папа, ты чего так рано звонишь, ты где?

– Я просто, это, сказать хотел...

– Давай позже поговорим, – попросила. – Мама будет ругаться.

Он хотел признаться, как сильно любит, – но продышал сигнал, и связь прекратилась. Долго не отводил трубку, слушал тишину.

Слишком рано или поздно. Пока ждал, пока ничего не случилось, вошла в кухню хозяйка и спросила:

– Ну, как успехи? Получается?

Жарков стоял с лампочкой в руках, на столе – плафон и пружина.

– Я бы вызвала электрика, но пьёт он. Запойный, – оправдывалась женщина, – если уж не получится, как-нибудь до понедельника. А там найду. Но вы попробуйте, Георгий, вы же полицейский, вы всё можете.

– А ваш сын? – спросил Жарков. – Нет? Не вариант?

– Какой сын? – удивилась хозяйка. – Нет у меня никого. Хорошо, что вы рядом, Георгий. «Хорошо, – думал Жарков, – очень хорошо».

Так замечательно, что лучше быть не может.

Тихо, мирно, спокойно

Ночь горела. Шумно дышал ветер. Жарков стоял на берегу и смотрел, как медленно и гордо наступает вода. Река ещё жила, но готовилась. Когда станет по-настоящему холодно, не нужно будет объясняться. Спи спокойно, каждому своё.

Совсем износилась кобура: выглядывала рукоять пистолета, блестела невзрачная антабка. Жарков нежно гладил металлический корпус. «Оружие надо любить, как родную женщину».

Забыл, когда чистил ПМ в последний раз. Кажется, после контрольных стрельб. Он тогда выбил четыре из четырёх, но всё равно получил «неуд» за нарушение техники безопасности. «Товарищ Жарков! Немедленно вернитесь на огневой рубеж!»

На войне любви не бывает, зато приходится стрелять. Настоящая любовь пахнет смертью. Обязательно приходит и всегда заканчивается. Мог признаться, что не любит. Отставить нежность, товарищ майор.

Достал, прицелился.

Слились в одно мушка и целик. Дышать спокойно, расслабить подушечку пальца. Указательный на спусковую скобу. Ну же, давай. Предохранитель не позволил. Громко булькнул камень, на чёрной воде расплылись ровные белые круги. Жизнь продолжилась.

Иваныч сказал, что труп без криминала – можно собираться.

Время полтретьего ночи. Ни туда ни сюда. В кабинете холодно, батареи в спячке.

Покурил в форточку, распечатал протоколы. Пистолет глубоко дремал. Тихо, мирно, спокойно.

«У меня выезд, – написал, – люблю целую». Без запятой.

Тыкнул на стрелку, сообщение улетело.

«Ептв...» – зарядил Гоша. Он перепутал чаты и, должно быть, разбудил жену. А нежность была адресована вечно не спящей Аллочке – неродной, но любимой женщине.

– Ну всё, теперь точно кранты, – сказал вслух, и дежурный ответил:

– Не каркай. Всё под контролем. До утра продержимся, а там новая смена.

Пиликнул телефон.

– Ну вот, пожалуйста.

Залепетал приветственной речью, открыл журнал учёта. Ничего серьёзного: какая-то бдительная гражданка сообщила о подозрительных лицах на лестничной площадке. Решили отправить наряд ППС. Разберутся.

– А мне что? – спросил Гоша, не сводя глаз с яркого экрана смартфона.

– Карета подана. Езжайте, я пока тут...

Прыгнул в «Газель». Ехали на Батайскую. Известная окраина, раздолье беспредела. Водила рассказывал, что в соседний отдел пронесли взрывчатку, а «нарядный» сержантик посмотрел. Якобы учебные мероприятия, но всё равно теперь накажут. Ещё говорил, что скоро сдавать нормативы по физкультуре и огневой подготовке – никто не справится, и всех лишат ежемесячной надбавки за напряжённость.

– Как обычно, – поддакивал Гоша, и не расставался с телефоном. Жена молчала: либо спала, либо думала, что с ним таким делать. Он сам переживал. Никогда ведь не отчитывался, куда поехал и поехал ли. А здесь и «люблю», и «целую», ну разве мог такое сказать – жене.

– Кулак, ты женатый? – спросил водителя.

– А то ж, – усмехнулся Кулаков, – второй раз, детей – три штуки.

Гоша кивнул. Наступит утро, вернётся домой, и, конечно, супруга скажет – развод, не обсуждается. Жить в одиночку не сможет, пробовал – не получилось. Придётся Аллочке делать

предложение. Аллочка, может, и красивая, и вся такая невозможная, но жениться... это значит видеться каждый день, объясняться, чувствовать, терпеть.

Да и как он женится. На Аллочке-то.

– Какой номер? – спросил водитель, двигаясь по ошибочным указателям навигатора.

Нашли.

Моросил сучий дождь вперемешку со снегом. Осень старела, и вот-вот была готова проститься.

Участковый ждал возле подъезда. Нехотя протянул руку, даже не представился. Три маленьких звёздочки на погонах уныло блёкли под тяжестью служебного долга.

– Только по-быстрому, хорошо? У меня работы тучева хуча...

Поднялись в квартиру.

– Наташка, – сказал участковый, – главная шлюха на районе. За дозу могла и в хвост, и в гриву. И сама брала... Та ещё проشمандовка. Мы её хорошо знали. Раньше нормальной девахой была. Потом скурилась, снюхалась. Опустилась.

– Откуда ключи?

– Работать умеем, – дерзко ответил участковый. – Ментам никто не рад, а мы всё равно приходим. Не хочешь – не заходи. Я тут всё просмотрел, ничего ценного. Ну, то есть интересного.

«Что мог – забрал», – подумал Жарков и шагнул через порог.

Он часто бывал в подобных квартирах. Нечто среднее между притоном и убежищем от внешнего мира. Ещё жива память прежнего: относительно свежие занавески, махровый палас, но здесь же – клочья пыли, скомканный запах.

– Часто у неё собирались?

– Да не особо. Раньше – да, шалман стоял. Потом операция «мак» началась, «сообщи, где торгуют смертью», что-то там. Пришлось накрыть. Всех раскидали, вывезли. Да и Наташка шибанулась. Перебивалась как могла.

– То есть – того, да?

– Ну, к ней с дозой приходят. Она шлёт нахрен. Нет, говорит, идите все, куда знаете. Людей боялась. Знаешь, обычные наркоманские загоны.

Жарков стоял посреди кухни. Горы хлама, банки и бутылки, крошки хлеба, чёрствы́е маринованные огурцы.

– Жалко Наташку, – вздохнул участковый, – так-то нормальная бабёнка.

– Что с материалом?

– Отказной вынесли за отсутствием состава. Напилась, накурилась, вскрылась. Тело забрали, как только.

– Замечательно, – кивнул Жарков, – а родственники?

– У Наташки? Да какие родственники. Не знаю, вроде никого нет. Не видел никогда. Наташка в молодости нормальная, конечно, была, – повторялся участковый, – я за ней даже ухаживал. Это потом психанула.

– Причины?

– У наркотиков нет причин. Да чего там – жила как придётся. Ни работы, ни заботы. Вот и стала хернёй страдать. Я пытался поначалу как-то исправить. Разговаривал. Замуж, конечно, не звал. У меня семья, понимаешь, дети там... Не вариант вообще. Но так-то можно было с ней. И деньгами бы помог, если смог. А она чего. Нет, подсел на дрянь – значит, всё, не выберешься. Вот и не выбралась.

Делать было нечего. Жарков ради приличия прошёлся по скромной квартире. Поблагодарил и сказал, если что на Первомайской земле случится, может обращаться смело.

– Нет уж, – ответил участковый, – надеюсь, не придётся. Я сейчас на больничный, потом в отпуск, а там на пенсию.

Жарков промолчал с завистью.

...Почти не слушал водителя, и только следил, как убегает из-под колёс «Газели» худая осенняя дорога. Брызгами кидалась щебёнка, ветки старых деревьев неприятно царапали по крыше, и так же заметно скрипело где-то внутри, под форменной курткой и свитером с вышитым двуглавым орлом.

Пролистал список пропущенных: «дежурка», «дежурка-2», «дежурная часть», «работа».

Жена молчала. Гоша не любил молчание. Он был готов слушать крик и ругань, череду претензий и, может быть, не очень обидных оскорблений. Если же молчит – значит, всё настоящему плохо. Нет уже причин выяснять отношения, всё умерло, родилась невозможно долгая, издевательская тишина.

– Ну и что? Вон – дом, иди. Мне машину покидать нельзя.

Оперативник хотел съязвить – но, лишь вздохнув, направился на очередное место происшествия.

Во дворе толпились постовые сержанты. Гоша терпеливо поздоровался, протянув каждому руку. Дверь была открыта, первый этаж сегодня не спал.

Ещё не зная деталей произошедшего, разглядел у порога нож, мирно лежащий в свежей лужице красно-бурого цвета, и многозначительно произнёс: «Дела, дела».

– А мы завтра пойдём в школу? – спросил мальчик, когда Гоша прошёл в квартиру.

Молодая совсем девушка ответила, что уроки никто не отменял, и едва кивнула Жаркову; так она обозначила приветствие. Видимо, столько сотрудников приходило за последний час, что он не вызвал особенного интереса.

– Мама, мама, у дяди настоящий пистолет!

– Хорошо, – согласилась девушка, – не мешай. Иди умывайся, спать пора.

Мальчик протянул «ну-у-у...». Гоша, в принципе, не возражал против присутствия ребёнка, разве что стоило оградить того от участия в процессуальных действиях.

– Вы только мамку мою не забирайте, – попросил мальчик, и, схватив зубную щётку, выбежал в пространство коридорного холода.

Общага шепталась. Пока оперативник осматривал кухню и санузел в поисках возможных предметов, которые имели бы процессуальное значение, получил целый перечень версий: от покушения на убийство до причинения телесных повреждений по неосторожности.

– Она сама его, сама. Та ещё девчуля... – шептала толстая неприятная женщина с явными признаками затянувшегося перегара.

– Это пусть следователь разбирается, – улыбнулся Гоша.

– Не парься, командир, – твёрдо настаивал пьянящий сосед, – баба хорошая, так уж получилось...

Гоша внимательно слушал. По крайней мере, делал вид. Повторял за собеседником, задавал невнятные вопросы на уровне «да ладно», «не может быть» и «как же так». Тошние перекрытия, прогнивший пол... Сколько раз за годы службы он видел подобные коммуналки, сколько здесь крови разливалось.

– Начальник, – раскинул руки известный бедолага по кличке Трактор, – здоров, ты как вообще? Ты к Людке, что ли? А-а-а... – понимающе кивнул, – ну, занимайся, я тут ни при чём.

Людка невольно слышала каждую реплику. Комнаты располагались так тесно, что хочешь поймать тишину – не получится. Он вернулся на протокольный разговор, отказавшись от чая и кофе.

– Брежете, наверное, – догадалась Люда.

– Да... – растерялся оперативник, – нет, конечно, о чём вы говорите.

– Ладно уж, всё понимаю.

Не было смысла объяснять, что придётся нести ответственность, преступление – тяжкое, не выкрутишься. Она только сказала:

– Довёл, понимаете? Не могу больше. Ребёнка жалко, а его – нет.

– Ребёнок – это смягчающее обстоятельство, – произнёс Гоша, не выдав сочувствия.

Мальчик прервал разговор. Вбежав на радостях в комнату, прыгнул в кровать и укрылся одеялом.

– Спать так спать, – игриво пропищал, – спокойной ночи.

Люда выключила свет, они переместились в кухню, где ещё доживали прежний день соседи: курили, пили, говорили о чём-то непременно важном.

– Освободите, – строго сказал Гоша, и мужики без разговоров покинули помещение.

Говорила спокойно, без оправданий. Руки распускал,пил, сыном не занимался. Сегодня вернулся готовый, назвал как-то. Надо было терпеть, столько лет терпела. Но психанула, нож взяла – и всё тут.

– Есть у вас сигаретка? – спросила Люда, и Жарков незамедлительно достал пачку. Замолчали. Жарков подумал, что иногда тишина вполне уместна. Выкурил две, прежде чем достал бумагу и попросил изложить обстоятельства произошедшего. Девушка аккуратно исписала целый лист. По его совету добавила, что признаётся «чистосердечно, в целях оказания содействия следствию».

– Понимаете, – оправдывался зачем-то Гоша, – дело всё равно возбудят. Закон такой.

– Я понимаю, понимаю. Много дадут?

– Главное, чтобы выжил.

– Он-то? Выживет. Такие недохнут, – сказала Люда и вновь посмотрела на пачку. Гоша кивнул, подышал недолго табачным дымом и попрощался.

По дороге в больницу даже не заглянул в телефон, даже не включил экран, даже не подумал ни о чём личном.

Жизнь действительно любила потерпевшего. Врачи сказали на своём волшебном языке: «Пневмоторакс, гематомы, ссадины в лобной части головы».

– Как обычно, – согласился Гоша, – тяжкий вред.

Пустили на десять минут под единственным предлогом, что расследование требует незамедлительных мероприятий. Медсестра не понимала, о чём таком важном говорит оперативник. Просто Жарков вызывал интерес у женщин любого возраста – и мог, наверное, вообще ничего не объяснять.

Долго всматривался в лицо пострадавшего. Обычный пьющий мужик, работяга с босяцкой щетиной. Спросил, как случилось. Тот подтвердил показания супруги. Говорил с трудом, каж-дое слово эхом пронзало грудь.

– Может, сам напоролся на остриё? – подсказывал Гоша.

– Как это – сам?

– Как-нибудь... Случайно.

– Случайно? – мужчина попытался выдать смешок.

– Да, – повторил оперативник, – не заметил и наткнулся.

– Ты что тут гонишь?

Жарков нагнулся, чтобы терпила расслышал и запомнил наверняка.

– Бухать заканчивай, вот что. Налакаешься, потом виноватых ищешь.

– Я понял, – прохрипел, – она и тебя охмурила. Шлюха!

Ничего живого не оставалось в живом теле. Затянется порез, только и всего.

– Я эту мразь, шалаву эту, засажу! И тебе хана, мусор.

Духота разливалась бездушием.

– А ребёнок? – спросил Гоша, но мужик не ответил.

Дежурная «Газель» медленно плыла по пустым дорогам. Ночь сдавалась, но утро ещё не хотело просыпаться. Горело небо солнцем, проступало красным и золотым.

– Теперь куда? Всё? На базу?

Проезжали по Батайской.

– Вон там, в посадках останови, – попросил оперативник.

– Невтерпёж? В отделе, может, сходишь? – предложил Кулаков.

– Останови.

Машина заняла обочину, заморгала нервно аварийка. Гоша неторопливо скрылся в голых тупиковых кустах.

Кулак, в принципе, умел ждать, пока следственная группа часами работает на местах преступлений. Он обычно залипал в киношку на планшете или играл в телефон, чтобы ускорить время. Завтра же, то есть уже сегодня, надо тренироваться. Турник, пробежка. Если не сдаст итоговую аттестацию по физподготовке, то лишат на полгода процентной надбавки. Тогда опять придётся таксовать по ночам, и не приведи бог, если вызов поступит от начальника или штабного управленца, – донесут, заложат, уволят нахрен. А ведь ещё огневая. На стрельбах Кулаков почти всегда выбивал, но не укладывался в норматив по сборке-разборке автомата. Советовали развивать мелкую моторику и меньше нервничать. Конечно, вам-то легко говорить, а у меня – семья. Он представил, как выйдет на огневой рубеж и по команде достанет оружие. Всё легко и просто, главное – не торопиться.

«Команда огонь!»

Подорвались невидимые птицы, словно извергла их старая земля. В тревожном карканье, гуле, свистеле Кулаков распознал хорошо знакомый звук.

– Гошан! Ты чего!?

Кулаков рванул с единственной мыслью – не может быть, не бывает, не должно.

Оперативник лежал на земле, вывернув неприятно голову. Пистолет ещё крепко сжимала рука. Опять стояла тишина, и должно было что-то обязательно произойти.

– Ты чего?! Гошик! Ты?

Оперативник смотрел и улыбался.

– У меня в сейфе есть патроны, – сказал Гоша, – всё нормально, извини. Устал я что-то. Честное слово.

Небо, тронутое выстрелом, смотрело внимательно и гордо.

Между жить и служить

На районе Жаркова – такого, чужого и лишённого, – мог заметить патрульный наряд. Или кто угодно другой, кто набрал бы ноль-два, и тогда бы пришлось опять объясняться.

Ему вынесли официальное предупреждение. Дали, так сказать, первый и последний шанс. Иначе, объяснили, придется оформить увольнение по отрицательным основаниям. «За утрату доверия», – обозначил начальник.

– Ты понял? Понял?

– Да понял я, понял, – признавал Гоша.

– Ты смерти моей хочешь. Одни проблемы.

Пришло сообщение от Тайха – с вопросом «не кричат ли чайки?», что означало, может ли Жарков говорить, не читают ли ребята из надзорных органов его переписку.

Гоша не знал наверняка, читают или нет. Но жить, не оглядываясь на себя самого, хотелось невыносимо.

Он кинул в ответочку уверенный восклицательный знак – всё в порядке, говори.

Тайх мог писать только по двум причинам: или взяли мусора, или пришло лекарство. Мелькнула на экране цифра два, и Жарков добавил: «Ок, давай прямо сейчас». Переписка исчезла по таймеру: через 20 секунд после прочтения.

Тайху без разницы было, в какое время встречаться: спал мало, жил плохо – и не хотел, в общем-то, жить, но по ряду причин ещё держался. Боялся умирать: тридцать лет по лагерям и зонам, ничего хорошего не успел, ни грамма не заслужил.

Никто не знал, где Тайх. Находился он в местном розыске, вёл подпольный образ жизни и был вынужден время от времени встречаться с оперативником. За услугу тот помогал бедолаге, палил контору: «Сегодня лучше не светись – работают».

– Я полжизни просидел, – хрипел Тайх, – но ты, Жора, единственный, сука, нормальный мент.

Не такой уж нормальный, просто разобрался по существу, не позволил накинуть больше положенного.

– Я без веса, – оправдывался Тайх, – без причины рвут, шавки. Объясни им, объясни.

Когда Тайх сбежал из зала суда, первым стали трясти Жаркова. Ребята из собственной безопасности имели стукачей в каждом отделе. Жаркова легко сдали, и сам он как-то предательски растерялся и дал понять, что действительно владеет информацией.

– Понимаете... – сказал.

Но его не поняли.

Либо говори, либо сам пойдёшь по статье. Жарков такой статьи не знал, которая запрещала бы иметь дела с бесноватым контингентом. Напомнили: «Утрата доверия».

– Повесился Тайх, – наплёл Жарков, – в тюрьме бы не выжил. Дохлый уже, последний заплыв.

Не поверили, но сделали вид, что – да. Никто не хотел работать, каждый торопился домой.

Встретились в парке, у подвесного моста. Выглядел Тайх не очень. Ковылял, как раненая псина, и всё оглядывался: никто ли там не сидит на его старом ободранном хвосте?

– Здорова, – сказал, и Жарков протянул руку.

Тайх оправдался, что растянул запястье и не может, хоть и рад. Лишь плечо вперёд выставил, вроде как уважил.

Нормальный вор никогда не будет общаться с ментом, а уж здороваться (осталось только по-братски обняться) тем более. Тайх давно отошёл от воровских дел, священный метилэфедрон (по-простому «скорость») победил уверенно и навсегда. Потому всё равно уже было бро-

дяге, с кем вести разговор. Никто не мог упрекнуть его, а кто рискнул бы – поплатился. Раньше Тайх «присматривал» за «семёркой», где строгий режим и красная администрация. Умел держать и кулак, и масть – не страх, но уважение, и потому былой авторитет ещё сохранял силу памяти и связь воровских поколений.

– Ну, чего там, принёс?

Жарков стучал ботинком о свежую наледь и тоже просматривал территорию. Чужие глаза – везде и всюду; даже если не видишь, даже если уверен, что никого, – обязательно кто-то рядом.

– Такое дело... – медлил Тайх. – Короче, цена выросла.

Гоша достал кошелек и протянул две купюры.

– Хватит?

Тайх взял деньги, развернулся и пошёл. Обычная схема: на пятом или шестом шагу из его кармана будто бы случайно выпал полимерный свёрток.

– Да стой ты, – бросил Жарков.

Он поднял «товар» и обнадёжил, что устаканилось вроде бы: розыск вот-вот прекратят, забудут и, может быть, простят. По крайней мере, сейчас – никакой суеты.

– Простят, ага. Скорее, я мусорнусь, чем ваши шакалы отстанут.

– Всё равно не очкуй. Разберёмся.

– Да не очкую, – возразил Тайх, – мне плевать уже.

Прокричала полицейская сирена. Ударило синим и красным. Дрогнула проезжая часть крепким шумом, свистнул на повороте служебный «Фиат».

– Идти надо.

Жарков поддержал. Ближайшие две недели он мог жить.

– Ещё достанешь? – спросил и отвёл взгляд.

– Кончай, Жора, я тебе говорю. Мальчик взрослый, должен понимать.

Жарков снова протянул руку. Тайх опять выставил плечо. Бывай, не забывай, заканчивай. Разошлись бы, но Гоша вспомнил и окликнул:

– Эу! Забыл совсем. Слушай, ты знаешь такого Глазика? На «семёрке» сидел. Откинулся в октябре.

– На «семёрке» я знаю всех, – гордо ответил Тайх, – но за Глазика не скажу. Нет таких, и не было никогда.

– Глазик не Глазик, не знаю. Так представился.

– Погоняло не меняют. Сидел бы – знал бы его. Либо не сидел, либо шкерится. А тебе зачем?

– Да, – махнул Жарков, – личные дела.

– Личные, – повторил Тайх, – личные, приличные.

– Значит, не знаешь ты Глазика?

– Никто не знает. Нет у нас таких.

Утро не наступило, но Жарков уже стоял напротив отдела и не решался войти.

Не поздоровался помощник дежурного, и замкомвзвода ППС прошёл мимо. Промчался тыловик, спешащий на смену, не поднимая головы. Жарков крикнул что-то вроде «здаров», но ни первый, ни второй, ни какой-то по счёту не ответил.

«Не здоров», – подытожил и всё-таки зашёл внутрь.

Иваныч закрыл оружейку.

– Я тут это, – оправдывался Гоша, – пострелял немного.

Безо всяких там, как будто в порядке, Иваныч кивнул.

Нормально будет, хули нам.

Остановился у КАЗа – камеры административно задержанных.

Есть. Так точно. Никак нет.

Присмотрелся, убедился – да.

– Привет, начальник, – просипел Глазик и шмыгнул.

– Чего тут?

– Да чего, блин. Мусора загребли. То есть... замели меня, в общем.

Маленький, недобитый, щекастый.

– Ну, так вот получилось. Шёл себе шёл, никого не трогал. Ну, выпивши. Что ж теперь, нельзя? Я свободный гражданин. Что хочу, то и делаю.

– Мать в курсе? – спросил Жарков, не понимая, зачем спрашивает.

– А что мать? Я говорю, свободный. Большой, взрослый и независимый. Хочу – туда пойду, хочу – обратно. Хочу – вообще останусь тут, и буду.

Несло свистящим запахом чужой пропитой жизни.

– А ты это, начальник, ты меня можешь выпустить? Выпусти, а? Если не в падлу. Я нормально буду. Ты же знаешь. Я вообще нормальный.

Жарков не сомневался, кто нормальный, а кто нет. Остановил проходящего постового.

– Как тебя там... Подойди.

– Да, товарищ майор, – вытянулся по стойке смирно.

– Ты скажи. Кто-нибудь сидит в камере?

Сержант уставился на Глазика, тот на сержанта.

– Ну ты, начальник, даёшь, – хохотал бедолага, – ты чего городишь?

– Сидит, спрашиваю? – повысил голос.

– Сидит, – подтвердил постовой, – задержали за распитие.

– Фамилия?

– Младший сержант Зазуля!

– Фамилия?! – рывкнул Жарков, и сержант, осознав и попросив разрешения, помчался за журналом доставленных.

– Вот те раз, начальник. Ты чего ли думаешь, я тут отсутствую? Ой, – запел несчастный, – всё, заработался.

Изгалялся как мог.

– Я говорю – свободный и довольный, хочу тут, хочу не тут. Хочу летаю, хочу ныряю. Два браслета, три кастета. Ни приветов, ни стволов.

– Ну? – бросил Жарков постовому.

– Сейчас-сейчас, – суеился сержант и листал страницы, – не могу найти, сейчас. Точно есть, записывали. Должны были записать.

Со словами «доложишь по результату» Гоша махнул вверх по лестнице и закрылся в кабинете.

Признать себя – значит продвинуться на пути к выздоровлению.

– Нужно понять, Георгий, что таких, как вы, гораздо больше, чем кажется.

– Каких – таких?

– Таких вот... не таких, – не очень-то профессионально объясняла врач.

Лапша пыхтела во рту. Таяла, не оставляя вкуса. Жарков не заметил, как справился. Злость разъела ощущение.

Нацепил оперативку, застегнул кобуру. Спрятался в куртке и, пока елозил вокруг стола в поисках запасного магазина, кое-как успокоился, подумал: да пошло оно всё нахрен.

Младший сержант Зазуля догнал на выходе и сказал, что обязательно установит данные нарушителя. Заступил только-только. А прежний наряд пропустил без записи.

– Дайте время, товарищ майор, не докладывайте руководству...

Молоденький, должно быть, недавно ещё топтал армейский плац, а теперь вот крутит срок в ментуре. Ему бы найти нормальную работу в каком-нибудь офисе. Да кто возьмёт вчерашнего мента? Кому ты сдался, сержантик, какому начальству.

– Точно там в камере человек?

– Так точно, слово... – хотел сказать, что слово офицера, но Гоша поверил и сержантскому.

Поднялся выше, на третий этаж, зашёл в приёмную, опустился на жёсткую скамейку, больше похожую на больничную кушетку. Всё для подчинённых, лишь бы те помнили.

Ровно в 6:30 услышал лёгкую, почти нечеловеческую поступь. Полковник Савчук всегда ходил чуть слышно, и начальники из главка не раз указывали, что тот должен идти уверенно, тяжёлым шагом российского правосудия. Савчук жил как умел, а служил как придётся. На каком-то году, когда срок выслуги перевалил за первую десятку, полковник (тогда ещё майор) перестал нервничать по пустякам и смиренно выносил все тяготы и лишения, как и обещал (кому-то), когда давал присягу.

Увидел Жаркова и махнул: заходи, вроде пока никого нет.

Пока не пришлось строить из себя не пойми кого – того, к чему обязывала его непростая должность.

– Ты мне только одно скажи, – начал Савчук, но не договорил и устремился к чайнику. Щёлкнул, достал чашку (одну), потом бросил взгляд на стол с не востребованными документами, обернулся – а там ещё что-то: материалы и докладные, бумаги, бумаги, подписи и резолюции.

Не сказал, не спросил, и лишь когда чайник уверенно щёлкнул – готов, Савчук щёлкнул в ответ двумя пальцами и указал на Жаркова.

– Только одно мне скажи. Как ты постоянно умудряешься? И не рассказывай ничего тут...

Жарков и не собирался. Что тут скажешь.

– Управление гремит. Люди из Москвы едут. Проверками замудошают. Ты мне одно скажи, – повторился и опять не закончил.

– ...У меня уже никаких нервов, – сказал Савчук. – Я постараюсь, конечно. Только смысла нет. Захотят – уберут: и тебя уберут, и меня тронут.

Жарков вышел из кабинета. В приёмной сидела Света или Оля, или какая-то очередная.

Вернулся. Дежурные сутки не думали проходить. Сидел напротив окна, из которого когда-то выходил Чапа, и казалось, что шум во дворе до сих пор крепнет и стоит. И вот кто-то крикнул, кто-то подбежал к неживому Чапаеву, кто-то попытался помочь, а кто-то нет. Голоса прекратились, но шум остался. Шум гулял меж стен, завывал и мычал, и кабинет заливался этим шумом.

Нет теперь никакого Чапы. И тебе, Жарков, осталось недолго.

Никто к нему не заходил. Никого не ждал, и лишь оконная рама трещала, и ветер стонал беспокойно.

Кому ты нужен, думал, на гражданке. Вот уйдёшь, а дальше-то что. В «Пятёрочку» охранником или таксистом. Всё лучше, чем. Никак нет, отставить.

Набил какие-то запросы, позвонил каким-то людям. Ни одного поручения от следakov, ни единого происшествия.

Постучались; головы не поднял. Опять постучались, пришлось повесить голос: да открыто же!

Присаживайтесь, пожалуйста, рассказывайте. Типичная старушечка, укутанная, сухая. Руки трясутся, голова ходуном.

– Меня дежурный к вам сюда, – объясняла, – вы Жарков, правильно?

Гоша подтвердил. Что у вас там случилось?

– А что, сынок, случилось. Жизнь, – говорит, – случилась. Мне бы умереть и не мучиться, а тут вот оно что.

И сдала с потрохами весь подъезд. Семёныч из соседней – пьёт и шумит, Колька – я его вот таким ещё помню (рука дрогнула и застыла на уровне стола) – водит девушек, потолок трясётся. А Валя – мы с ней как дружили, как дружили, – соль мне сыплет на порог. Ведьма, и всё тут.

– И это ещё я про студенток не говорю...

Жарков перебил и поинтересовался, как у бабули со здоровьем.

– А как у меня со здоровьем, сыночек. Мне бы отмучиться, а тут вот что. Уж не болит ничего, болеть-то нечему.

Она заохала, и руки опять задрожали.

Гоша уверил, что сегодня же вечером зайдёт к ним участковый и со всем разберётся.

– А мне сказали – к вам. Вот, – достала тетрадный листок, – вот, я тут записала. Жарков Георгий Фёдорович. Вы Жарков?

Он хотел бы сказать, что никаких Жарковых не существует, что произошла какая-то ошибка, что он тут – лишний, и вообще, проваливай отсюда, старушенция долбаная, но ничего такого, конечно, не сказал, и только произнёс:

– Я – Жарков. Заявление писать будем?

До обеда шатался по отделу, из кабинета в кабинет, мимо канцелярии к самому штабу. В ПДН работали с подростками, один кричал «ну простите, простите», а второй настаивал «ну правда, правда», как будто их слова могли хоть что-то значить. Следаки опять кого-то задерживали и убеждали окольцованных бедолаг, что всё будет нормально, что признание вины – первый шаг к условному наказанию, что смягчающих обстоятельств непременно хватит, и вообще. В актовом зале шёл развод дежурной группы, рядом с оружейкой теснились сотрудники, и только Жарков не знал, куда себя деть и чем заняться.

– Гоша, – крикнул водитель патрулки, – ты чего, как, нормально всё?

– Нормально, – улыбнулся и дальше поплыл.

Вышел во двор и даже курить не стал. Голова кружилась легко и по-весеннему, хоть и лежал уже сырой дохлый снег.

– Хочешь не хочешь, – сказал, – но хорошо, блин.

Не хотел, на самом деле – привык иначе, но разве кто спросит. На, пока дают. Бери и радуйся.

Вспомнил недавнюю ночь, скомканную. И простынь, тоже скомканную, на которой он с Аллочкой, и никого кроме. Чужая женщина всегда имеет право, но ничем не обязана. А вышло напротив – он имел, а сам ушёл. И опять – только подумал, и так хорошо стало, господи ты боже мой, да разве можно.

– Сигаретки не будет? – спросил дознаватель.

Угостил, конечно. И сам покурил за компанию, и что-то сказал в ответ, и что-то сам спросил с добрым хохотом, на полшуточки, в самый раз. Лишь бы знал каждый, и каждый видел – он Жарков, и ничего с ним не случится.

Уже к вечеру, когда наполнилась очередная, со счёта сбита чашка, и кипяток настиг растворимую пыль кофе, позвонил дежурный и сказал: к тебе пришли. Жарков спустился – и не сразу разглядел её, полную женщину в мужском пуховике. Она стояла спиной и рассматривала стенд «Их разыскивает полиция», блуждала, искала, водила головой, но – нет: фотографию Чапы сняли, как только. И некого стало.

– Вы ко мне? – спросил, и женщина обернулась.

Сколько жизни было в ней когда-то, подумал Жарков, такая справная, и всё-таки молодая, несмотря на тяжёлое слоистое лицо, и полное отсутствие сейчас той прежней жизни, вме-

сто которой теперь вымученный взгляд, опущенные веки, губы тонкие и злые, красные-красные щёки.

– Вы Жарков, – не спросила – убедилась; пошла за ним без разрешения, словно имела право.

Она имела право.

Махнул – присаживайтесь, типа, а женщина уже села и не думала, как там и что. Из чашки ещё выходил слабый, едва живой пар. Кофе не предложил и сам не притронулся. Так и сидел, ждал, будет говорить или как.

– Я жена Чапаева, – обозначила на всякий случай, будто Жарков не понял. Они виделись не раз, и та всегда прикрывала бедолагу. Ничего не знаю, где-то пропадает, врала хорошо и правильно, – а Чапа сидел в ванной, ни живой ни какой, и знал, что заберут. Забирали и забирали. Она всегда ждала, а теперь вот – не дождалась.

Не хотела приходить, но пришла. У неё ребёнок маленький, только-только, и забот – перекрестись, но решила: надо. Нельзя иначе. Жарков слушал, она говорила. Всё, как должно, хоть и не стоило.

– Чапаев не виноват, сами знаете. Я желаю вам сдохнуть точно так же. И чем быстрее...

Оборвалась: понятно без слов. Наверное, могла бы хоть одну слезинку пустить, но не дождёшься. Только ровно держала мятый двойной подбородок и проклинала – по-настоящему и про себя.

Сколько раз он слышал это «не виноват». Чаще – только «не люблю», но последнее вслух не произносят, может быть, только единожды, когда уже ничего не осталось, когда ясно и понятно, что на самом деле – виноват, только ты и виноват, во всём и сразу. И наказание – обязательно последует, ведь Бог, как известно, не фраер, мелочиться не будет, воздаст сполна и ещё побережёт на чёрный день, чтобы окончательно убедить любого и каждого в своём безусловном существовании.

Не виноват.

Каждый первый и второй, ни одного, кто бы сам признался. Любое зло – оправданно, любое добро – несправедливо и полно сомнений. А правильно ли, а нужно ли, а может, зря? «Все преступления совершаются из стремления стать счастливым». Ну, так и скажи, твою же голову. Хочу быть счастливым, потому и ворую. Счастья хочется, потому и убил.

И тот, и другой – без вины виноватый, по беспределу. Только он, Жарков, виноват. И за то, что кольцевал, и за то, что доставлял и задерживал, и вообще за то, что был и появлялся как всегда не вовремя на широком, но скором воровском ли, каком-то другом пути.

Да, убил, да, выстрелил. Получилось так. Основания нашлись, закон позволил, никаких нарушений.

– Не виноват, – повторила, – вы его специально. Вам и отвечать. А я деньги на похороны занимала, пока тут. Да будьте вы...

Опять не договорила, опять понятно было. Жарков не знал, что сказать. Он водил рукой по столу, туда-сюда. Липкий стол с разводами. Тряпка нужна, убраться нужно.

Потом женщина встала. Некрасиво, еле-еле. Застегнула звучную молнию до самой шеи, шарфом укуталась. Жарков тоже встал, поправил воротник рубашки. Сальный-сальный воротник, свитерок пахучий.

– Тварь ты, Жарков, – перешла наконец-то на «ты». – Но спасибо. Не дождалась бы его, надоело. А теперь и ждать не нужно. Только помнить.

Она ушла и больше не приходила.

Жарков стоял на месте, пока не заскрипел старый щелистый пол.

Приехал Лёха – дежурный следак, швырнул шапку, та больно ударилась кокардой о металлический сейф. Прозвенело, разлилось.

– Нет, ну нельзя же так, – громыхал Степнов. – Отправили меня на порез. Приезжаю, а там ложный вызов. Сначала надо разобраться, наверное, а потом уж...

– Не ори, – попросил Жарков, – башка трещит.

– Не ори. А я не ору. Чего я, ору, что ли? Я спокойно объясняю, что всё меня доконало в этой ментуре.

– Так увольняйся, – предложил.

– Увольняйся. Легко тебе говорить. А куда мне идти, я ничего больше не умею.

Налил в стакан кипячёную воду. Выпил почти залпом, не дрогнув. И снова зарядил: про службу, про что-то там и снова про службу.

– Надо было тебя слушать тогда. Как пришёл только.

– Надо было, – не отрицал Жарков.

В любой правде так много стыда, что не хватает мужества принять свободу. Лёха говорил и заговаривался, не задумываясь особо, не отвечая в принципе за слова – лишь бы вызвать хоть какое-то понимание, спрятаться за отчаяньем. Так зачастую переобувается жулик после признательных показаний, уходит позорно в отказ.

Они делили кабинет на двоих. Вообще Жарков раньше сидел один, но пришлось переехать. Служебную обитель лучшего оперативника превратили в архив с бесстыдными томами нераскрытых дел. Вездесущая пыль и запах пожилой бумаги наверняка скрывали правду, и, как всегда, разгадка лежала на поверхности, на первой или второй странице списанного материала, прекращённого за сроками давности.

– Ладно, – сдался Лёха, – пойду.

Иди, конечно, подумал оперативник, нужен ты мне в моём же кабинете. Без тебя как-то служил, и ничего. Он скоро достал раскладушку и, уткнувшись в старый засаленный матрас, отключился. Никому не хотелось (слу)жить, но каждый почему-то (слу)жил.

Чужая женщина

Позвонила дочка и спросила шёпотом, но с предьявой:

– Ну ты чего, где? Она дома, приходи давай.

Жарков метнулся, будто ужаленный. Долетел за двадцать минут, ни одного красного не словил. Можно было взять чего-нибудь, не с пустыми же руками, но решил – пусть лучше без всего, так вроде по-настоящему.

Лиза открыла дверь и махнула. Проходи уже, долго ты, ну в самом деле.

Он стоял, словно не родной. Разувался медленно, лишь бы не натоптать. Грязевая жижа сочилась на чистый пол. Пахло по-домашнему, и внутри сжималась в кулак последняя надежда.

– Папа пришёл, – закричала во весь голос Лиза, – мама, смотри.

Мама не вышла и не посмотрела. Дочка развела руками, а потом кивнула: иди, поговори, учить что ли нужно.

– Привет, – сказал, и сел за кухонный стол, – как дела?

Жена говорить не собиралась, но ответила зачем-то, что всё более-менее, и спросила: сам как живёшь?

Гоша улыбнулся: стараюсь, куда деваться. С вами лучше, конечно, чего уж тут.

Чай не предложила; он и не хотел. Шинковала капусту, взрывалась на сковороде под-жарка, тепло разливалась томатная паста.

– Пришёл зачем? Лизу не дам, у неё контрольная.

– Да я это, – не знал, как сказать, – так просто, решил вот.

– А, – бросила жена, – понятно.

И лицо своё не показывала. Жарков заглядывал, она сторонилась.

– Я тут подумал... Может, мы это, попробуем опять?

Она порезала палец, сунула в рот. Жарков с места не тронулся. Опять не вовремя. Кровь не останавливалась, бледная капуста с красным отпечатком ждала дальнейшей участи на разделочной доске.

Заглянула Лиза – как бы невзначай, полезла в холодильник за чем-то наверняка вкусным и сладким. Мать рявкнула, что сначала нормальный ужин, а потом всё остальное.

– Папа с нами будет?

Ответа не дождались. Сковородка дрыгала, огонь ласкал твёрдое чугунное днище. Ему вдруг так захотелось этих домашних щей с ржаным хлебом...

– Ты сама-то как считаешь?

Она никак не считала. Может быть, и думала, но сейчас не хотела. Всё-таки посмотрела, всё-таки разглядел её – прежнюю, родную, свою.

– Я подала заявление на развод. Обычно месяц дают. Попробую, может, быстрее получится.

Он встал и вышел. Дочке ничего не сказал, даже не попрощался.

На светофоре достал таблетки. Тронулся, поехал. Не успел. Пока никого нет рядом, можно быть собой. От себя ничего не скроешь. Себя не спрячешь, притворишься, да и только. Гоша притворился – и оставшийся участок дороги проехал вполне спокойно.

Все там будем рано или поздно. Лишь бы не забыл про тебя ответственный за смерть, не вынудил на долгую одностороннюю жизнь.

На городском кладбище никто его не ждал и видеть, скорее всего, не хотел. Встал поодаль, как посторонний, как будто сюда обычно высылают приглашение, а он припёрся нежданно, негаданно, чтобы окончательно испортить – всем им, неживым, но местным – настроение.

Тут и там, казалось, будто на заикленном кадре, мелькали, повторяясь, одинаковые сотрудники. Им-то чего здесь делать. Выглаженные кители, начищенные ботинки. Не разобрал, кто есть кто, лишь величина звёзд на погонах указывала: этот – из управы, тот – из райотдела. Офицеры держали в руках гвоздики под цвет лампасов, нелепо тянули к груди подбородки.

Шёл медленно и степенно, и все смотрели на него. Сам Жарков никого не видел, и только считал количество шагов. На двадцать каком-то споткнулся, заскользил, удержался.

– Я не виноват, – пошевелил едва заметно губами, но все услышали и оставили Жаркова в покое.

Только Чапа, как живой, пялился с фотографии и говорил: «Ну так вот получилось. Сука ты, Жарков, чего уж теперь».

В тишине различил: скрипят ветки деревьев. Всегда казалось, что на кладбищах обязательно гремит вороний крик, но сегодня кричали только голые сонные тополя.

Не различал, куда идёт, и шёл, пока не услышал:

– Гош, ты чего, ты как вообще?

– Нормально, – ответил и посмотрел на Иваныча, – нормально, пойду присяду.

Иваныч пошёл с ним. Нашли поваленный ствол немого тополя. Жарков рухнул и спрятал голову в широченных своих ладонях.

– А ты чего тут?

– А у меня тут отец, – показал Иваныч куда-то в сторону, – хожу вот иногда, редко, но хожу.

Очнулась голова и сказала: вот и я, давно не виделись. Жало внутри и снаружи, тошнота подкралась. Гоша достал таблетки, проглотил сразу две и сказал:

– Не спрашивай, так надо.

Иваныч и не собирался, он понимал. Но всё равно посоветовал:

– Сходил бы ты в больницу, мало ли что. Такая работа, сам знаешь. Постоянный стресс.

– Ага, не говори.

– Постоянные, сука, нагрузки, – продолжал. – Я вообще не представляю, как ты ещё... – не договорил Иваныч.

– Уже, – понял Жарков, – но схожу, наверное. Надо сходить.

– Сходи-сходи, обязательно.

Ответил «угу» так, чтобы добрый Иваныч отвязался, наконец, и дал побыть одному.

Достал из внутреннего кармана пуховика чекушку. Всё своё ношу с собой, а большего не нужно. Сорвал крышку и присосался к горлышку.

Бабий декабрь, сучья зима. Шибануть бы морозу, да хорошенько, по лицу, чтоб до крови и в крошево, а не это всё: сопливый дождь и морось молочная, первый снег прошёл, а второй не собирался.

Занюхал по обычаю рукавом и выдохнул лёгким паром. Затопило в груди, расцвело перед глазами.

Он сидел в окружении уютных могил, где белым по чёрному значились имена и цифры, где у подножий краснели свежие венки и траурные ленты переливались золотом и серебром.

Опять припал к бутылке, раз, и два, и ещё один – контрольный.

– Проходи, конечно. Да не разувайся, всё равно мыть. Ну, если только. Ну да, можно здесь.

Жарков не стеснялся и напрямиком прошёл в кухню. Квартиру он хорошо помнил: захаживал часто, любил недолго.

Она ела конфеты, Жарков просто пил. После первой рюмки сразу же подготовил вторую, и сказал: раздевайся.

Она так давно не была по-настоящему с мужчиной (работа не считается), что не пришлось делать ничего особенного. Жарков тоже хотел; тем более – выпил. И вот уже были в одной кровати, точнее, на одном диване, полураздетые, полуголые, и любили, как будто раньше никогда не. Отдышаться не могла; он вообще отвернулся и лежал, как раненый, вздыхая, словно от боли.

– Всё нормально? – спросил, как пришёл в себя.

Трезвый и здоровый – живи не хочу.

– Всё нормально, – ответила, и улыбнулась, и потянулась опять, но Жарков приподнялся и сказал, что хочет пить.

– Подожди, – попросила, – и он подождал.

Всё повторилось ещё быстрее, чем прежде. Всё прошло.

Он сначала выпил, а потом запил, и снова плюхнулся рядом, укрыв одним одеялом её и себя.

Прижался – прижалась. Так-то лучше.

Молчала, но готовилась что-то сказать, вздыхая и не решаясь. Вот уже, а всё никак. Слово – будто ребёнок, его не обманешь: само знает, когда явиться на свет. Промычала, не раскрывая рта:

– Мне так страшно, Гоша.

Он предложил выпить. Можно подумать, страх боится алкоголя. Повторила:

– Я очень боюсь. Ты не уходи, пожалуйста. Никогда не уходи.

Жарков не собирался никуда идти. По крайней мере, в ближайший час или два. Он вообще планировал бахнуть и закусить, если получится, а потом опять взять её – не очень молодую, но спелую. И хорошо, раз боится. Страх возбуждал. Гоша был сильнее.

– Не уйду, – пообещал, – не бойся.

И так ей стало хорошо. И так – ему – вдруг стало окончательно лучше...

Он таких слов давно не говорил. Таких его слов давно никто не слышал.

Гоша представил: вместе – здесь – теперь всё будет по-другому. Есть, кого защищать. Есть, кто рядом.

Поцеловал в губы, словно каждый из них заслуживал любви.

Всё же выпил, всё же приготовила наскоро что-то там: картошечку пожарила, нарезала, крошила. Запах улыбался всем существом, во всю кухню. Он ел с аппетитом. Она улыбалась.

Смотрели какое-то невнятное кино, потом как бы изображали любовь. Надоело быстро. К хорошему привыкаешь.

Решили спать – Жарков согласился остаться до утра. А там посмотрим. Она ещё раз его поцеловала и сказала «спасибо».

Уснула быстро. Как только – он встал, шатался взад-вперёд. Курил на кухне, пил воду, пытался тоже отключиться. Никак. Чужое место, чужая постель, чужая женщина.

В ночи разнылся желудок. Жизнь возвращалась, первый признак жизни – чувство голода. Полез в холодильник, нашёл что-то съестное вроде колбасы или сыра, тронутую баночку кефира.

Собрался наскоро. Даже не попрощался.

И жизнь пошла.

Лежачего не быют

По пути в Нихалой успел отрубиться. Ехали на служебном «Патриоте». Тот ладно справлялся со старой волнительной дорогой, ухабистой и кривой.

Акрам – сержант из роты ППС – разговорился будь добр. Борода ходила вверх-вниз, не останавливалась. Так и так, слава Аллаху, жизнь идёт.

– У меня, – сказал, – жена красивая. Одна беда – четыре дочки, – и рассмеялся.

От Серноводского до Нихалоя сто километров. Шли медленно, ближний свет распознавал очертания морщинистых гор. Жарков четвёртый месяц проходил здесь службу со сводным отрядом: двойной оклад, надбавки. Закроют боевые – будет пенсия. Три тысячи сверху. Каждый месяц, пока живой.

– В Чечне сейчас хорошо, спокойно, – говорил Акрам, оправдываясь. – Лучше, чем.

Жарков соглашался. Качаясь на пригорках, закрывал глаза. Одно «ага» в ответ, вроде – так и есть. Действительно, хорошо.

Тяжёлое лето с низким солнцем. Осень выждать – и домой. Жарков думал: как хорошо, когда есть, куда возвращаться. Дома ждут, и всё такое. Привезёт деньги – первый взнос на ипотеку, долгая счастливая жизнь. Главное – не париться, не считать. Он помнил, например, как считал армейские дни. А потом заблудился в мире цифр – и легче стало.

– Скоро, скоро, – твердил довольный Акрам, – у меня там брат. Всё по кайфу будет.

Командир отряда – полковник Сорока – определил Жаркова на дальняк. «Пару дней отдохнёшь, тебе надо».

Сорока помнил Гошу ещё со времён, когда задерживали группу олимпийцев – местных злодеев, выходцев из девяностых. Тут встретились, обнялись. Нормально всё будет, полгода пролетят. Вернёмся – напьемся, живи не хочу.

Одна задача – помочь местным полицейским. Задержали кого-то там, а что делать дальше – бог знает. Чеченские бойцы работали просто: два раза прикладом, и готово. А тут какой-то особенный случай. Жарков сам не знал, как можно обойтись без того же приклада, но молчал.

Там – брат, сват, баня и вроде как водка (чуть-чуть). Оно того стоит.

Слепила жёлтая луна. Акрам отомстил ей, моргнув дальним. Сыпалась щёлочь камней, украшала дорогу.

– Ты сам-то – с женой? – спросил. – Дети, да?

Жарков кивнул и сказал, что девочка, совсем грудная.

– Вах, счастье какое, – улыбнулся Акрам, радуясь, что кто-то ещё, кроме него, испытал участь быть отцом и не иметь сына. – Девочка – хорошо, но мальчик – лучше.

В слове «мальчик» Акрам умышленно проглотил мягкий знак. Мал-чик не знает мягкости, не должен знать.

– У меня их четыре, девочки.

Он перечислил имена каждой и признался, что сына, как только случится, назовёт Мурадом. В честь отца.

– Мурад – значит «желанный».

Жарков достойно промолчал, а чеченец признался (только никому не говори, я тебе чисто по-братски), что жена уже пятый месяц, как, и скоро случится. УЗИ не делают, не положено вроде, но знает: будет мальчик, «мал-чик» – воин и герой.

В повороте затормозил. Свистанули тормоза. По встрече, сквозь ночь и время, уйдя, коснувшись щебня, вправо, промчался белый «крузак» без номеров. Акрам выругался на чеченском, выговаривая отчётливо лишь одно понятное «шайтан». Жарков заметил, как «тойота» окончательно тормознула и встала поперёк узкой дороги, прямо над склоном в далёкое вайнахское ничто.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.